

Глава 1. Пилигрим

В сентябре две тысячи второго года я впервые оказался в местности, известной в узких кругах как Зона искажения или Край. Наверное, я должен был хорошо запомнить это событие, но тот день выдался крайне суматошным, как и два последующих, а я просто валился с ног, не в силах фиксировать происходящие вокруг вещи. Это сейчас, через много лет (хотя меня все еще берут сомнения, прошло ли в действительности столько времени) я могу по фрагментам восстановить события тех дней, которым я поначалу не придал большого значения и, как оказалось, напрасно.

Мне приходилось заниматься этим и раньше – восстанавливать мозаику из взаимосвязанных событий давно прошедших дней, когда по стечению обстоятельств я был вынужден вести опасное и неприятное расследование о гибели Адама Летова – преподавателя теории искажений в местном институте.

Время научило меня бережно относиться к воспоминаниям и вот сейчас, выводя буквы на кремовой бумаге, я возвращаюсь в тот день, который так отрывочно помню и наполняю каждую его минуту деталями, которые, скорее всего – лишь плод моей фантазии.

Иногда мне кажется, что к тому дню, когда я впервые прикоснулся к Искажению, я готовился всю жизнь. Незаметными легкими мазками, случайными фрагментами, еле ощутимыми касаниями Искажение преследовало меня, но начал понимать я это только сейчас.

В детстве меня очень пугала картинка из старого учебника по географии. На ней, покоясь на трех слонах, стоящих на мокрой спине исполинского кита, летела в бесконечном пространстве маленькая плоская земля с зелеными пятнами полей, монастырскими куполами, блестящими под лучами солнца, и просторами океанов, низвергающих свои воды с края земного диска. Я не задавался вопросами вроде того, что будет, если оступится один из слонов или им надоест стоять на месте, меня пугала перспектива остаться на иссохшейся земле без капли воды – ведь я точно видел, что океаны безвозвратно стекают с края диска.

Мои страхи не иссякли даже тогда, когда отец застал меня за бесцельном наполнении всех найденных мною ведер из садового шланга.

Я видел в этом занятии особый смысл с перспективой на благодарность тех, кого я спасу потом от мучительной жажды. В такой ситуации меньше всего ждешь, что над тобой посмеются, что собственно и сделал отец. Ведра отправились в сарай, а я в песочницу – олицетворение скорого и неизбежного будущего. Я сидел на краю с глазами полными слез и смотрел на солнце, такое маленькое, оборот за оборотом облетающее нашу плоскую землю, едва не задевая хвост невообразимо большого кита. А потом я отыскал грязную бутылку от какой-то минералки и, как мог, отмыл ее под краном и наполнил водой. Еще некоторое время я плотно вбивал в ее горлышко самодельную пробку, а потом закопал в самой глубине песка, там, где песок уже влажный и полный камней. Однажды я откопаю ее, и поделюсь с вами водой, и тогда вы больше не будете смеяться. Никогда. Так закончился обычный июльский день тысяча девятьсот восемьдесят третьего года.

Когда я возвращаюсь воспоминаниями в прошлое, я всегда слышу голос Марины, наш последний разговор, перед тем, как я покинул столицу. Её голос звучал где-то в глубине мозга, пробиваясь сквозь клубок мыслей, запутывая его еще больше. Но с каждым километром, с каждой выкуренной сигаретой он становился всё тише. Последние дни я много читал и много курил, а поезд все дальше увозил меня в безлюдный край, наполненный туманом ранней осени и низкими домиками безликих станций, а деревья становились все выше за грязным окошком тамбура.

Вагоны почти опустели. Хмурые пассажиры все так же выбирались на перроны, почти не общались, смотрели на кирпичные здания и, пожившись, заползали обратно пить горячий чай и читать журналы недельной давности.

В один из дней сентября 2002 года я вышел на неизвестной станции и, поставив дорожную сумку на сухую траву, осмотрелся. Поезд спешно удалялся, помахав мне сизым хвостом. Впереди текла река, по цвету воды сильно смахивающая на местные болота. Это последнее, что я видел на Большой земле, а спустя пятнадцать минут мне предстояло совершить короткое путешествие по реке, переплыв ее в западном направлении на одной из припрятанных под обрывом алюминиевых лодок. Это было мое последнее путешествие по Земле, которую почти за четверть века я так и не успел более или менее прилично объехать.

Странная работа, перепавшая мне по стечению обстоятельств, не была такой уж неожиданностью. Я сам просил неоднократно о переводе в тот отдел, работа которого была, или, по меньшей мере, выглядела, необычной. И стоило ли удивляться тому, что первая же командировка закинула меня в это странное место на краю Земли и в прямом и в переносном смысле. В кармане лежало потрепанное командировочное удостоверение, в котором, вопреки обычным требованиям, было лишь две графы – «отбыл» и «прибыл».